

Historické vědy

УДК 930.2

ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ КОЛЛИЗИИ ИСТОРИОГРАФИИ РЕВОЛЮЦИЙ 1917 ГОДА В РОССИИ

С. В. Ямщикова

*Кандидат исторических наук, доцент,
Государственный университет «Дубна»,
г. Дубна, Московская область, Россия*

THE PARADIGMATIC CONFLICTS OF THE HISTORIOGRAPHY OF THE 1917 REVOLUTION IN RUSSIA

S. V. Yamshchikova

*Candidate of Historical Sciences,
assistant professor,
State University «Dubna»,
Dubna, Moscow region, Russia*

Summary. In the article the paradigmatic conflicts of the historiography of the Russian revolutions of 1917 are revealed through the prism of scientific problems, «the army in the revolutionary events of 1917», analyzed the study in the period from 1917 to the mid 90-ies of the twentieth century. The author, using a wide range of historiographical sources, traces the formation of the main paradigmatic approaches to the study of the Russian revolutions of 1917, its army factor in particular and concludes that the most promising paradigm a basis of studying this problem since mid 90-ies becomes socio-cultural, psihomotornyi analysis of the Russian society of the revolutionary era.

Keywords: paradigm; historiography; revolution; 1917; Russia; society; army.

Историография революций 1917 г. обширна и многогранна. Одной из её ярко выраженных граней предстаёт изучение роли армии в революционной борьбе 1917 г. Эта проблема всегда находилась в центре внимания исследователей истории российских революций. В её рамках формировались парадигмальные основания изучения всего революционного процесса в России первой четверти XX в.

Большую и важную часть историографии этой проблемы составляют исторические труды, воспоминания, записки, автобиографии революционных деятелей, лидеров политических течений, партий и групп. В этом огромном историографическом наследии отразились все оттенки политической, идеологической мысли и что особенно ценно, научно-теоретические, парадигмальные подходы.

Одними из первых попытались осмыслить роль армии в событиях 1917 г. генералы и офицеры русской армии. Генерал А. И. Деникин подчёркивал особое значение вооружённых сил в «русской смуте» и гибели страны. Он писал о солдатских массах, на которые опирались большевики, как о грабителях и насильниках, как о черни, которая погубила Россию и армию. А. И. Деникин считал политически наивными и противоречащими исторической действительности сетования определённой части русского офицерства и генералитета на то, что именно февральская революция, Приказ № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, деятельность Временного правительства и советов рабочих, солдатских, крестьянских депутатов, корниловщина или пропаганда большевиков развалили армию. «Позволю себе не согласиться с мнением, что большевизм явился решительной причиной развала армии: он нашёл лишь благодарную почву в систематически разлагаемом и разлагающемся организме» [16, с. 12], – писал А. И. Деникин. По его мнению, эта почва была подготовлена до 1917 г., в период первой мировой войны, когда русский народ утратил веру в общегосударственную православно-монархическую идею [11, с. 122].

В либеральной историографии основное значение придавалось политико-правовым, социо-культурным и социопсихологическим аспектам революций 1917 г. в России. Кадетско-либеральное объяснение хода революционных событий сводилось к утверждению о том, что Россия доросла только до бунта, а не до революции. При этом солдатское движение рисовалось как разгул необузданной стихии. Так, П. Б. Струве февральскую революцию назвал «солдатски-рабочим бунтом», а октябрьские события – солдатским бунтом, превратившимся «в грандиозный и позорный всероссийский по-

гром» [25, с. 42]. П. Н. Милуков заявлял, что разложившаяся армия была пригодна только для внутренних погромов [21, с. 97]. Большевистскую партию он считал заговорщической организацией, которая пришла к власти, опираясь на поддержку солдат, уставших от войны [22, с. 169–170].

В эсеро-меньшевистской литературе главной движущей силой революционных событий 1917 г. также признавались деклассированные солдатские массы, а большевистская партия называлась «чисто солдатской» партией. «Большевистский партийный кружок, совершивший переворот при помощи деклассированной солдатской массы, которой был обещан немедленный мир, не является партией, выражающей подлинные классовые интересы рабочих» [32], – сообщала читателям газета «Тверской край», орган печати тверских меньшевиков.

Эсеры и меньшевики опровергали утверждения о том, что февральская революция развалила армию. В. Чернов, один из лидеров партии эсеров, разложение армии объяснял полным банкротством военной теории, стратегической безграмотностью и отсталостью, бесчисленными ошибками, безнадежным положением с вооружением и снабжением армии, низким уровнем командного состава [1, с. 220]. А. Р. Гоц, А. Ф. Керенский вину за разложение русской армии возлагали на большевиков, которые своей демагогической пропагандой разжигали низменные инстинкты толпы [10, с. 28–29; 14, с. 179].

Взгляд на революционные события 1917 г. как на солдатский бунт получил широкое распространение в западной советологической литературе. При таком подходе солдаты изображаются как анархизирующая, бунтарская масса, с помощью которой большевики пришли к власти. Так, например, Л. Шапиро называл солдатскую массу «разложившимся

отрядом», «праздной, деморализованной толпой» [Цит по: 23, с. 10].

С позиций теории стихийности интерпретировал события 1917 г. в России известный английский историк Э. Х. Карр. Он полагал, что большевики лишь подстраивались под те радикальные требования, которые стихийно формулировались и выдвигались массами, в том числе и не в последнюю очередь, солдатскими массами [13, с. 10–11].

В зарубежной историографии имеет место и концепция «волюнтаризма», теория заговора. Суть этой концепции заключается в том, что октябрьская революция была совершена кучкой большевиков, тактика которых сводилась к тому, чтобы при помощи демагогических, популистских лозунгов развязать тёмные инстинкты масс, побудить их сломать государственную машину, а затем, поднявшись на гребне анархии, захватить власть и удерживать её при помощи террора. П. Феденко в книге «Новая история КПСС» утверждал, что большевики пришли к власти «на волне недовольства солдатских масс войной, обещая им немедленный мир с Германией» [35, с. 43, 49]. Об армейских массах, как объекте манипулирования со стороны большевистской партии, писали немецкие историки К. Д. Брахер, Г. фон Римши. В большевистской пропаганде среди солдат они усматривали подстрекательские мотивы, направленные на разложение армии и разжигание анархии [8, с. 12].

В 1982 г. в Иерусалиме вышла книга М. Френкина «Захват власти большевиками в России и роль тыловых гарнизонов армии. Подготовка и проведение октябрьского мятежа: 1917–1918 гг.». Автор считает солдат главной силой февральской революции, все политические кризисы 1917 г. трактует как чисто солдатские кризисы, отражающие последовательные ступени дезорганизации армии. Средствами дезорганизации армии он считает Приказ № 1 Петро-

градского совета и большевистский лозунг немедленного прекращения империалистической войны. По мнению М. Френкина, в октябрьские дни 1917 г. большевики опирались не на гарнизоны, которые были ими жесамими разложены, а на наёмные отряды красногвардейцев и матросов [36, с. 337].

У представителей объективистского направления зарубежной историографии иной, более рациональный взгляд на роль армейских масс в революционных событиях 1917 г. Для них октябрьская революция – не следствие разложения армии, а закономерный результат обострения социальных противоречий, закономерный итог социокультурного кризиса российского общества начала XX века.

В работах американского историка А. К. Уайлдмена специально исследуется проблема «армия и власть в 1917 г.». Он доказывает, что у русских солдат отсутствовало чувство патриотизма, им были чужды такие ценности как нация, государство, которые формируются в течение длительного культурного воспитания или образования. Рост революционных настроений в армии, по мнению А. К. Уайлдмена, был результатом политики коалиционного правительства, которое не оправдало надежд солдат на скорый мир и тем самым лишилось морального авторитета в глазах солдат [34, с. 19, 26].

Д. Штурман вину за развал армии также возлагает на соглашательское Временное правительство, «которое шаталось между генералитетом и Советами, но как правило оказывалось на поводу у Советов» [38, с. 215].

У истоков большевистской историографии проблемы стоял В. И. Ленин. Квинтэссенцию ленинских работ составляет тезис о пролетариате как главной движущей силой и гегемоне революционных событий 1917 г. и о партии большевиков как творце исторического процесса. Характеризуя движущие

силы февральской революции, Ленин писал: «Пролетариат делал революцию, требуя мира, хлеба и свободы ... и он повёл за собой большинство армии, состоящее из рабочих и крестьян» [17, с. 73]. Так сформировалась революционная армия буржуазно-демократической революции. На этапе социалистической революции, по мысли Ленина, в состав революционной армии входили милиция и Красная гвардия из рабочих и крестьянской бедноты, а также солдаты, выступавшие на стороне пролетариата.

В ответ на обвинения большевиков в разложении армии, в подрыве обороноспособности страны Ленин указывал, что разлагали армию не большевики, а прежде всего правящие классы, которые объявили захватническую войну «великой» и гнали в наступление раздетых, разутых, голодных солдат. Упрёк большевикам в подстрекательстве, экстремизме он отвергал констатацией того, что «страна рабочих и беднейших крестьян ... раз в 1000 левее Черновых и Церетели, раз в 100 левее нас» [18, с. 35]. Ленин настаивал на том, что большевикам надо идти с «полевевшими массами» [19, с. 408]. Вождь большевиков подчёркивал, что «наша революция не свалилась с неба, а родилась и росла на земле, залитой кровью в четырёхлетней империалистической войне народов, среди миллионов и миллионов людей, измученных, истерзанных, одичавших в этой войне» [20, с. 475–476].

О пагубном влиянии первой мировой войны на психику русского народа много писали в своих публицистических статьях И. Бунин, М. Горький, Е. Чириков и др. Так, в известном цикле очерков «Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре» М. Горький обращал внимание на склонность русского народа к анархии, на его дикость и невежество и рассматривал их как результат условий, в которых жил народ. Благодаря четырёхлетней войне

«русская стихия» – психология русской массы – сделалась ещё более тёмной, хлёткой и озлобленной» [9, с. 185], – отмечал он. Конечно, по мнению Горького, «бесшабашная демагогия большевизма» [9, с. 192] возбуждала тёмные инстинкты масс, но «вся Русь, а не только её армия начала разрушаться задолго до того, как социалисты получили в ней право голоса». М. Горький указывал на решающую роль солдат в революционных событиях 1917 г.: «Война – 14–17 годов – дала власть в руки пролетариата, именно – дала, никто не скажет, что пролетариат сам, своею силою, взял в руки власть – она попала в руки его потому, что защитник царя, солдат, замученный трёхлетней войною, отказался от защиты интересов Романова ... Необходимо помнить, что революция начата солдатами Петроградского гарнизона» [9, с. 183–184, 246].

Писатель и публицист Е. Н. Чириков главной силой и опорой большевизма также считал солдат [37, с. 29]. При этом он говорил о психопатологии деятелей российских революций: «Фанатики и психопаты революции из интеллигенции находили ... живой отклик среди психически больных уже вернувшихся с фронта людей и таким образом, вырастили шайки кровожадных революционеров, которые подкреплялись ещё каторжниками и профессиональными грабителями и убийцами» [37, с. 30].

Роль разлагающейся русской армии как основного детонатора революционного взрыва 1917 г. и источника постреволуционной анархии и хаоса подчёркивалась западными политическими деятелями, писателями и публицистами. «В 1917 г. война зажгла революцию. Русская армия, измученная, обескровленная ... продолжающейся три года военной кампанией, без оружия, без боеприпасов, без продовольствия, преданная прогерманскими генералами, доведённая до распада анархией царизма, растревоженная революционным

вихрем, не хотела и не могла более воевать» [30, с. 352], – писал французский общественный деятель Жорж Садуль. Английский писатель Герберт Уэллс, посетивший советскую Россию осенью 1920 г. констатировал: «... Развалившаяся русская армия сорвалась с линии фронта и хлынула обратно в Россию – лавина вооружённых крестьян, возвращающихся домой без надежд, без продовольствия, без всякой дисциплины. Это было время разгрома, время полнейшего социального разложения. Это был распад общества. Это был вызванный отчаянием взрыв самых тёмных сил человеческой природы, и в большинстве случаев коммунисты несут не большую ответственность за эти злодеяния, чем, скажем, правительство Австралии» [Цит по: 2, с. 15].

В официальной советской историографии 20–30-х гг. главенствующее положение заняло изучение идейно-политических факторов армейского движения. Историки исследовали формы и методы борьбы большевиков за солдатские массы, за привлечение армии на сторону революции и революционное движение в вооружённых силах. В работах М. И. Ахуна и В. А. Петрова, И. Г. Кизрина, О. Н. Чаадаевой, Р. П. Эйдемана и В. А. Меликова содержится вывод о разложении царской армии задолго до февральской революции. Причины успеха большевистской партии эти авторы видели в том, что большевики овладели стихийным революционным движением в армии, внесли в него руководящее начало и к октябрю 1917 г. имели значительное преимущество перед своими политическими противниками.

В первых трудах историков и деятелей большевистской партии солдатская масса характеризовалась как сугубо крестьянская по составу и идеологии. Л. Д. Троцкий обращал внимание на то, что «благодаря войне крестьянство оказалось организовано в виде

многомиллионной армии. Весом этой многомиллионной армии, от которой ведь всё непосредственно зависело, мелкобуржуазные революционеры давили на пролетариат и вели его первое время за собой» [33, с. 250–251]. Причины разложения старой армии он видел «в износе старого механизма, в том глубоком разрыве, который разделял Нацию-армию, Народ, Солдата и Высшую жестокую касту – офицеров» [Цит по: 30, с. 324].

М. Н. Покровский в статье «Большевики и фронт в октябре – ноябре 1917 г.» опровергал тезис Троцкого о солдатах как главной движущей силе октябрьской революции. Опираясь на свидетельство генерала Марушевского о том, что «на улицах дрались только матросы и вооружённые рабочие, солдаты запасных полков были апатичны», Покровский сделал вывод о том, что октябрьскую революцию совершили исключительно рабочие и матросы, которые «больше представляли пролетариат, чем крестьянство» [26, с. 158].

Аксиоматическое положение о пролетариате как гегемоне всех революционных событий 1917 г. надолго закрепились в официальной советской историографии. Изучая проблему «армия в революциях 1917 г.», историки обязаны были воспроизводить стереотипную схему, согласно которой основным вооружённым оплотом пролетарской революции была Красная гвардия, вокруг которой объединялись и сплачивались большевистски настроенные солдаты и матросы. Попытки некоторых исследователей хотя бы немного отойти от этой схемы резко пресекались их коллегами. Так, например, вывод Х. И. Муратова о «доброжелательном нейтралитете» солдатских масс в октябрьские дни 1917 г. [24, с. 301] жёстко критиковался П. А. Голубом [7, с. 156]. После ряда критических проработок было свёрнуто изучение вопроса о роли

стихийности в февральской революции, предпринятое в середине 60-х годов Э. Н. Бурджаловым и П. В. Волобуевым.

В рамках официальной концепции работали советские историки (А. М. Андреев, Т. Ф. Кузьмина, Л. Г. Протасов, Л. Н. Торопов), специально изучавшие роль тыловых гарнизонов русской армии в событиях 1917 г. Они пришли к выводу об изменении форм и содержания солдатского движения под влиянием организационно-идеологической деятельности партии большевиков: от стихийных и разрозненных выступлений солдаты переходили к сознательной революционной борьбе за свержение буржуазного Временного правительства и установление диктатуры пролетариата.

Во второй половине 80-х годов началось переосмысление всей концепции революций 1917 г. Прежде всего, появился новый взгляд на истоки, причины революционных потрясений в России. Начало отхода от старых догм и стереотипов положили публицисты. Но вместе с тем они привнесли много версий, гипотез, эмоций, декларативности в осмысление прошлого. В литературно-художественной и исторической публицистике эпохи перестройки октябрьская революция зачастую расценивалась как трагическая историческая случайность, как заговор тёмных сил, не будь которых, исторический путь России был бы другим.

Профессиональные исследователи истории России первой трети XX в. почти единодушно признали тот факт, что издержки капиталистической модернизации российского общества, проявившиеся с особой остротой в период первой мировой войны, неспособность и невозможность для Временного правительства решить насущные социально-экономические и политические проблемы привели к социально-экономической катастрофе и распаду общества, государственности и сделали неиз-

бежной третью российскую революцию [См., например: 3; 15].

По мнению ряда авторитетных российских историков, решающую роль в революционных событиях 1917 г. в России сыграли солдатские массы [5, с. 134; 29, с. 110; 31, с. 156]. При этом к характеристике солдатских масс как крестьянства, одетого в серые шинели, добавилось их определение как маргиналов со своими специфическими взглядами на жизнь, интересами, психологией, поведенческими стереотипами [4, с. 46; 6]. Следует обратить внимание на то, что всё чаще стала подчёркиваться необходимость изучения массового сознания армейской среды и факторов, обуславливающих его изменения. И это вполне закономерно и объяснимо, поскольку за поверхностностью, где действуют политические и социально-экономические данности, скрываются глубинно-психологические и социокультурные факторы. В традиционной советской историографии, при господстве формационного подхода и социально-экономического детерминизма, социокультурный аспект проблемы рассматривался либо в контексте борьбы большевиков за армию, либо через призму «развития революционного сознания» армейских масс.

Конечно, отход от традиционных взглядов на события 1917 г. в России был невозможен без обстоятельного изучения массового сознания и политической культуры революционной эпохи. В начале 90-х годов начинается изучение настроений армейских масс, раскрытие черт их социально-психологического облика и выявление особенностей их менталитета. В небольших статьях В. И. Старцева и А. П. Жилина, в выступлениях В. П. Наумова, Л. Г. Протасова, А. В. Чертищева, В. И. Миллера на научной конференции «Проблемы истории Февральской революции» (Москва, февраль 1992 г.) и в докладе Л. Г. Протасова на

международном коллоквиуме «1917 год в России: массы, партии, власть» (Санкт-Петербург, 11–15 января 1993 г.) вопросы массового сознания армейской среды впервые были освещены по-новому. Большинство положений, высказанных первыми исследователями массового сознания армейской среды с новых позиций, сомнений не вызывали тогда и не вызывают сейчас. Но, например, вывод В. И. Старцева о том, что у солдатских масс существовала «тяга к демократии и гражданским правам» [31, с. 153] или заключение А. П. Жилина о развернувшейся весной – летом 1917 г. острой политической борьбе как главном факторе деморализации русской армии [12, с. 165], нуждались в уточнении.

Более продуктивным был проведенный Л. Г. Протасовым коррелятивный анализ идеи Учредительного собрания в структуре общественного сознания, в том числе сознания армейских масс. На основе такого анализа Л. Г. Протасов сформулировал новый для российской историографии вывод о слабости социокультурных предпосылок для формирования политической демократии западного типа в России [27, с. 81; 28, с. 146].

Таким образом, за период с 1917 г. до середины 90-х гг. появилось значительное количество работ, публикаций и научных исследований по проблеме «армия в революциях 1917 г.», были выработаны различные парадигмальные подходы к её изучению. Наиболее перспективным направлением исследований по данной проблематике с середины 90-х гг. стало комплексное изучение процесса формирования социально-психологических особенностей армейских масс и на этой основе выяснение глубинных причин и форм их социального, а чаще всего асоциального, поведения в тех или иных ситуациях революционной эпохи.

Библиографический список

1. Алексеева Г. Д. Критика эсеровской концепции Октябрьской революции. – М. : Наука, 1989. – 317 с.
2. Бакулин В. Ленин и стихийный социализм в России // Коммунист. – 1990. – № 15. – С. 12–18.
3. Барсамов В. А. Под старым названием по новому пути // Социально-политические науки. – 1991. – № 5. – С. 97–105.
4. Булдаков В. П. На повороте. 1917 год: революции, партии, власть // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства. – М. : Политиздат, 1991. – С. 8–48.
5. Булдаков В. П. XX век в истории России: имперский алгоритм? // Межнациональные отношения в России и СНГ. М. : ИЦ «АИРО-XX» – «Ратобор», 1994. – С. 122–140.
6. Волобуев П. В. Революция и народ (методологические и теоретические аспекты) // Октябрьская революция. Народ: её творец или заложник? – М. : Наука, 1992. – С. 14–15.
7. Вопросы истории. – 1959. – № 8.
8. Гаврилов Л. М. Солдатские комитеты в Октябрьской революции. (Действующая армия). – М. : Наука, 1983. – 222 с.
9. Горький М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре. – М. : Сов. писатель, 1990. – 400 с.
10. Гоц А. Р. Демократия и оборона // Народ и армия. Сборник военно-политических статей. Вып. 1. – Пг., 1918. – С. 24–32.
11. Деникин А. И. Очерки русской смуты // Вопросы истории. – 1990. – № 3. – С. 120–153;
12. Жилин А. П. К вопросу о морально-политическом состоянии русской армии в 1917 г. // Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. – М. : Наука, 1994. – С. 153–165.
13. Карр Э. Х. Русская революция от Ленина до Сталина. 1917–1929. – М. : Интер-Версо, 1990. – 208 с.
14. Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте // Вопросы истории. – 1991. – № 1. – С. 166–187.
15. Клейн Б. С. Россия между реформой и диктатурой (1861–1920 г. г.) // Вопросы истории. – 1991. – № 9–10. – С. 3–13.
16. Красная летопись. – 1926. – № 6.
17. Ленин В. И. О задачах РСДРП в русской революции. Автореферат // Полн. собр. соч. – Т. 31. – С. 72–78.

18. Ленин В. И. На зубок новорождённому ... «Новому» правительству // Полн. собр. соч. – Т. 32. – С. 33–35.
19. Ленин В. И. Письмо к товарищам // Полн. собр. соч. – Т. 34. – С. 398–416.
20. Ленин В. И. Пророческие слова // Полн. собр. соч. – Т. 36. – С. 472–478.
21. Милуков П. Н. Россия на переломе. Большевицкий период русской революции. Т. 1. – Париж, 1927. – 400 с.
22. Милуков П. Н. Почему большевики взяли верх? // Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа? – М. : Политиздат, 1991. – С. 157–182.
23. Минц И. И. Международное значение военного опыта большевиков в Великой Октябрьской социалистической революции // Военные организации партии большевиков в 1917 году. – М. : Наука, 1986. – С. 5–13.
24. Муратов Х. И. Революционное движение в русской армии в 1917 году. – М. : Воениздат, 1958. – 391 с.
25. Новое время. – 1991. – № 28.
26. Покровский М. Н. Большевики и фронт в октябре – ноябре 1917 г. // Красная новь. – 1927. – № 11. – С. 157–170.
27. Протасов Л. Г. Учредительное собрание в системе послефевральских представлений о власти // 1917 год в исторических судьбах России. – М. : Изд-во «Прометей», 1992. – С. 80–81.
28. Протасов Л. Г. Всероссийское Учредительное собрание и демократическая альтернатива // Анатомия Революции: 1917 год в России: классы, партии, власть. – СПб. : Глаголь, 1994. – С. 134–148.
29. Родина. – 1992. – № 10.
30. Садуль Ж. Записки о большевистской революции. 1917–1919. – М. : Книга, 1990. – 400 с.
31. Старцев В. И. Человек с ружьём в Октябре // Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа? – М. : Политиздат, 1991. – С. 151–156.
32. Тверской край. – 1918. – 5 января.
33. Троцкий Л. Д. К истории русской революции. – М. : Политиздат, 1990. – 447 с.
34. Уайлдмен А. К. Армия и вопрос о законности власти в России // Отечественная история. – 1994. – № 2. – С. 19–30.
35. Феденко П. Новая история КПСС. – Мюнхен, 1960. – 142 с.
36. Френкин М. Захват власти большевиками в России и роль тыловых гарнизонов армии. Подготовка и проведение октябрьского мятежа. 1917–1918 гг. – Иерусалим : Став, 1982. – 400 с.
37. Чириков Е. Народ и революция // Аврора. – 1992. – № 1. – С. 10–31.
38. Штурман Д. У края бездны // Новый мир. – 1993. – № 7. – С. 213–232.

Bibliograficheskiy spisok

1. Alekseeva G. D. Kritika eserovskoy kontseptsii Oktyabrskoy revolyutsii. – М. : Nauka, 1989. – 317 с.
2. Bakulin V. Lenin i stihiyunyy sotsializm v Rossii // Kommunist. – 1990. – № 15. – С. 12–18.
3. Barsamov V. A. Pod staryim nazvaniem po novomu puti // Sotsialno-politicheskie nauki. – 1991. – № 5. – С. 97–105.
4. Buldakov V. P. Na povorote. 1917 god: revolyutsii, partii, vlast // Istoriya Otechestva: lyudi, idei, resheniya. Ocherki istorii Sovetskogo gosudarstva. – М. : Politizdat, 1991. – С. 8–48.
5. Buldakov V. P. HH vek v istorii Rossii: imperskiy algoritm? // Mezhnatsionalnyie otnosheniya v Rossii i SNG. М. : ITs «AIRO-XX» – «Ratobor», 1994. – С. 122–140.
6. Volobuev P. V. Revolyutsiya i narod (metodologicheskie i teoreticheskie aspekty) // Oktyabrskaya revolyutsiya. Narod: eYo tvorets ili zalozhnik? – М. : Nauka, 1992. – С. 14–15.
7. Voprosy istorii. – 1959. – № 8.
8. Gavrilov L. M. Soldatskie komitety v Oktyabrskoy revolyutsii. (Deystvuyuschaya armiya). – М. : Nauka, 1983. – 222 с.
9. Gorkiy M. Nesvoevremennyye myisli: Zametki o revolyutsii i kulture. – М. : Sov. pisatel, 1990. – 400 с.
10. Gots A. R. Demokratiya i oborona // Narod i armiya. Sbornik voenno-politicheskikh statey. Vyip. 1. – Pg., 1918. – С. 24–32.
11. Denikin A. I. Ocherki russkoy smutyi // Voprosy istorii. – 1990. – № 3. – С. 120–153;
12. Zhilin A. P. K voprosu o moralno-politicheskom sostoyanii russkoy armii v 1917 g. // Pervaya mirovaya voyna: diskussionnyie problemy istorii. – М. : Nauka, 1994. – С. 153–165.
13. Karr E. H. Russkaya revolyutsiya ot Lenina do Stalina. 1917–1929. – М. : Inter-Verso, 1990. – 208 с.
14. Kerenskiy A. F. Rossiya na istoricheskom povorote // Voprosy istorii. – 1991. – № 1. – С. 166–187.
15. Kleyn B. S. Rossiya mezhdou reformoy i diktaturoy (1861–1920 gg.) // Voprosy istorii. – 1991. – № 9–10. – С. 3–13.
16. Krasnaya letopis. – 1926. – № 6.
17. Lenin V. I. O zadachah RSDRP v russkoy revolyutsii. Avtoreferat // Poln. sobr. soch. – Т. 31. – С. 72–78.

18. Lenin V. I. Na zubok novorozhdYonnomu ... «Novomu» pravitelstvu // Poln. sobr. soch. – T. 32. – S. 33–35.
19. Lenin V. I. Pismo k tovarisчам // Poln. sobr. soch. – T. 34. – S. 398–416.
20. Lenin V. I. Prorocheskie slova // Poln. sobr. soch. – T. 36. – S. 472–478.
21. Milyukov P. N. Rossiya na perelome. Bolshevistskiy period russkoy revolyutsii. T. 1. – Parizh, 1927. – 400 s.
22. Milyukov P. N. Pochemu bolsheviki vzyali verh? // Oktyabr 1917: velichayshee sobyitie veka ili sotsialnaya katastrofa? – M. : Politizdat, 1991. – S. 157–182.
23. Mints I. I. Mezhdunarodnoe znachenie voennogo opyta bolshevikov v Velikoy Oktyabrskoy sotsialisticheskoy revolyutsii // Voennyye organizatsii partii bolshevikov v 1917 godu. – M. : Nauka, 1986. – S. 5–13.
24. Muratov H. I. Revolyutsionnoe dvizhenie v russkoy armii v 1917 godu. – M. : Voenizdat, 1958. – 391 s.
25. Novoe vremya. – 1991. – № 28.
26. Pokrovskiy M. N. Bolsheviki i front v oktyabre – noyabre 1917 g. // Krasnaya nov. – 1927. – № 11. – S. 157–170.
27. Protasov L. G. Uchreditelnoe sobranie v sisteme poslefevral'skikh predstavleniy o vlasti // 1917 god v istoricheskikh sudbah Rossii. – M. : Izd-vo «Prometey», 1992. – S. 80–81.
28. Protasov L. G. Vserossiyskoe Uchreditelnoe sobranie i demokraticeskaya alternativa // Anatomiya Revolyutsii: 1917 god v Rossii: klassyi, partii, vlast. – SPb. : Glagol, 1994. – S. 134–148.
29. Rodina. – 1992. – № 10.
30. Sadul Zh. Zapiski o bolshevistskoy revolyutsii. 1917–1919. – M. : Kniga, 1990. – 400 s.
31. Startsev V. I. Chelovek s ruzhYom v Oktyabre // Oktyabr 1917: velichayshee sobyitie veka ili sotsialnaya katastrofa? – M. : Politizdat, 1991. – S. 151–156.
32. Tverskoy kray. – 1918. – 5 yanvaryaya.
33. Trotskiy L. D. K istorii russkoy revolyutsii. – M. : Politizdat, 1990. – 447 s.
34. Uayldmen A. K. Armiya i vopros o zakonnosti vlasti v Rossii // Otechestvennaya istoriya. – 1994. – № 2. – S. 19–30.
35. Fedenko P. Novaya istoriya KPSS. – Myunhen, 1960. – 142 s.
36. Frenkin M. Zahvat vlasti bolshevikami v Rossii i rol tyilovyyih garnizonov armii. Podgotovka i provedenie oktyabrskogo myatezha. 1917–1918 gg. – Ierusalim : Stav, 1982. – 400 s.
37. Chirikov E. Narod i revolyutsiya // Avrora. – 1992. – № 1. – S. 10–31.
38. Shturman D. U kraya bezdnyi // Novyy mir. – 1993. – № 7. – S. 213–232.

© Ямциков С. В., 2016